

«ТЕЛЕДИПЛОМАТИЯ»: СУЩНОСТЬ, МЕХАНИЗМЫ, РЕСУРСЫ

Ларионов Евгений Анатольевич, аспирант

Пятигорский государственный лингвистический университет
357532, Российская Федерация, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9
E-mail: polsovet@pglu.ru

В современном мире «теледипломатия» стала не только неотъемлемой частью политического процесса, но и инструментом, с помощью которого эти процессы регулируются и направляются. В то время как глобальные телесети стали полноценными акторами мировой политики, теледипломатия стала выполнять несколько функций. Настоящая работа подробно рассматривает основные направления деятельности «теледипломатии» в современных международных отношениях, и оценивает перспективы развития ее деструктивного и конструктивного потенциала.

Ключевые слова: теледипломатия, политический процесс, международные отношения, глобальные телесети, коммуникации, «эффект CNN»

TELEDIPLOMACY: ESSENCE, THE MECHANISM RESOURCES

Larionov Yevgeniy A., post-graduate student

Pyatigorsk State Linguistic University
9 Kalinin st., Pyatigorsk, Stavropol Region, 357532, Russian Federation
E-mail: polsovet@pglu.ru

Contemporary telediplomacy has become not only an integral part of the current Political Science process but also a tool that largely guides and regulates these processes. As global media networks are full-fledged actors of the world politics, telediplomacy plays a number of roles. The present paper scrutinizes major directions of its activity in contemporary international relations and assesses prospects for development of its destructive and constructive potential.

Keywords: telediplomacy, Political Science process, international relations, global networks, communications, “CNN effect”

Развитие информационных технологий непременно сказывается и на рынке труда, и на образовательном процессе, и на безопасности современного государства. Оно также серьезным образом скажется на качестве исследований и процессах вовлечения общественности. Те изменения в этой сфере, которые происходят сейчас, носят глубокий характер, они стремительны и непрерывны. Пожалуй, наиболее наглядно это проявит себя на примере исследовательских университетов. Уже сейчас сигналы этого очевидны, когда пространственно-временные и институциональные рамки больше не являются ограничителями, а межинститутское сотрудничество носит принципиально иной характер, чем прежде.

Самой важной составляющей здесь является влияние информационной доступности, что позволяет меньше времени проводить в аудитории и оставляет время для большей социальной активности.

В настоящее время телевизионные медиа все больше выступают в качестве инструмента внешней политики государства с целью повлиять на динамику международных процессов. Само понятие «теледипломатии» (*telediplomacy*) вошло в обиход у аналитиков медиа. Она стала представлять собой новую дипломатическую парадигму, развитие которой коррелирует с динамичной компонентой жизни международного сообщества – информационной – а также эволюцией коммуникационных технологий.

Во многом, теледипломатия возникла как продукт трансформации традиционных дипломатических процессов. В частности, И. Гилбоа определял дипломатию как коммуникационную систему, посредством которой государственные деятели артикулируют и отстаивают интересы своих стран, декларируют решения и выдвигают ультиматумы [1].

Действительно, процесс коммуникации в дипломатии позволяет выявить официальные позиции отдельных лиц и политические линии государств, которые зачастую проводятся с целью заручиться поддержкой других акторов на международной арене. На протяжении XX в. дипломатия сводилась к сухим официальным и закрытым от общества процедурам. В конце двадцатого столетия дипломатия трансформировалась в открытый процесс, в который вовлечены средства массовой информации и международная общественность, что было обусловлено демократизацией, активным участием масс в политических процессах, а также технологическим прогрессом в коммуникационной сфере, глобализацией электронной журналистики.

Сегодня значение теледипломатии в политических процессах сложно недооценить. Все чаще лидеры государств и дипломаты в качестве площадки для декларации своих решений используют эфир глобального телевидения. По сути, «дипломатическая миссия» глобальных медиасетей реализуется в двух функциях: оперативность передачи сообщений в эфир и воздействие новостного контента на глобальную аудиторию в реальном времени. Это формулирует задачи глобального новостного телевидения:

- всесторонне информировать о различных политических, социальных и культурных мировых процессах;
- предоставлять «платформу» для выступлений мировых лидеров, в том числе из числа оппозиции. Вместе с тем, важно удерживаться от соблазна занять «адвокатскую» позицию в каком-либо информационном дискурсе.

Характерные черты формата глобальных новостных сетей, в особенности, экстренные выпуски информационных сообщений, выходящие под провокационными заголовками (как то «США атакуют», «Нация на войне») ориентированы на три группы, прямо или косвенно влияющие на формирование мировой политики.

Во-первых, руководство и редакторы каналов ставят перед журналистами задачу постоянных обновлений о ситуации с места событий. В свою очередь, подобные репортажи вынуждают лидеров оперативно комментировать динамику происходящих событий. Наконец, для того чтобы эти комментарии выглядели компетентными и убедительными руководители обращаются к услугам экспертного сообщества, с тем, чтобы оно вело мониторинг происходящих событий и давало свои рекомендации.

Способность глобальных телесетей оказывать влияние на процесс принятия политических решений и, нередко, изменять ход событий, получило название «эффекта CNN». Версий относительно того, когда этот термин впервые вошел в употребление как минимум две. Одни считают, что –аналитики стали использовать его в период войны Персидском заливе в 1991 г., когда эфир CNN по сути стал каналом коммуникации между американским и иракским правительствами. Другие настаивают на «сомалийской версии», по которой освещаемая CNN провальная военная операция США в Могадишо в 1993 г. вызвала широкий резонанс в американском обществе, потребовавшем вывода своих войск из Сомали.

Разумеется, на сегодняшний день этим термином обозначают информационное влияние не только CNN, но и других международных новостных агентств. По этой логике можно говорить и об «эффекте Al-Jazeera», обусловленном значимостью данной телесети как панарабистского канала телекоммуникации, с миссией связующего звена между странами арабского Ближнего Востока и арабскими диаспорами, проживающими в Европе и Северной Америке. Второй ее задачей является подача для западной аудитории эксплозивной информации о Ближнем Востоке, что призвано серьезно расширить горизонты западного мира на события и проблемы этого региона.

Феномен «эффекта CNN» стал одной из наиболее популярных тем современных исследований средств массовой информации и коммуникации. Одни аналитики убеждены в эффективности влияния телекоммуникационных сетей на международную политику, другие видят в «эффекте CNN» искусственно раздутый пиар-бренд [2]. Так или иначе, сложно отрицать то влияние, которые имеют на глобальную аудиторию, включая элиты, транслируемые телеобразы.

Вместе с тем, необходимы конкретные условия, при которых глобальное телевидение может влиять на принятие политических решений. Во-первых, степень влияния глобальных телесетей во многом детерминирована масштабом событий. В частности, крупные международные кризисы, террористические акты, и техногенные катастрофы всегда доминируют в информационном пространстве и требуют срочного ответа со стороны мировых правительств. Во-вторых, скорость развития ситуации также во многом определяет «уровень влияния» на принимаемые решения. Это особенно актуально в ситуации «политического вакуума» – неспособности руководителей контролировать развитие событий, выбрать четкую политическую линию в отношении конкретного вызова. Третьей детерминантой выступает возможность доступа репортеров к необходимой информации в условиях отсутствия цензуры и политических ограничений. В-четвертых, освещаемое событие должно завладеть вниманием широкого слоя аудитории.

Говоря о данных условиях предметно, стоит отметить, что события мирового масштаба как то международные военные операции, глобальные кризисы, значимые террористические акты (подобно тем, что произошли 11 сентября 2001 г., контр-террористическая кампания союзных сил в Афганистане, вторжение США в Ирак), фокусируют внимание аудитории исключительно на восприятии этих событий. В результате, «эффект вытеснения» содействует

росту влияния глобального телевидения на всех участников того или иного кризиса и мировой общественности в целом.

Далее, стремительно разворачивающиеся события в еще более значительной степени катализируют эффекты подобного влияния. Поступление оперативной информации ставит перед политическими лидерами задачу быстрого реагирования на ситуацию [3, p. 242]. В такой схеме существует серьезный риск – если происходящее выйдет из-под контроля политиков – такой сценарий не редкость в современном мире – по сути, главным инструментом влияния на аудиторию будет информация конкретных глобальных телесетей.

Данный риск также имеет свои вариации. Неопределенность политической линии в период критических международных ситуаций ранжируется от тотального политического вакуума до замедленной реакции правительств. В свою очередь, уровень политической неопределенности детерминирует степень воздействия глобальных телесетей на свои аудитории. В этой связи, существует ряд сценариев, по которым ситуация может потенциально развиваться в случае политической неопределенности [4, p. 533–535].

1. Подача событий в критической тональности вызывает негативный общественный настрой в отношении политического курса. Если он не будет своевременно пересмотрен, негативный подтекст в новостном контенте усугубится.

2. Кризис доверия к правящим элитам и удар по их репутации наносят чрезмерное количество негативных образов в новостях. Это понуждает политиков искать убедительный ответ на звучащую с экранов критику в их адрес – в противном случае они несут репутационные издержки, угрожающие их дальнейшей карьере. В этом случае, резонно предложить пересмотр политической линии.

3. В случае если в среде правящей элиты наблюдается некое подобие раскола, критический подход телесетей к освящению ситуации работает на пользу тем лидерам, которые стремятся изменить текущий политический курс.

Иначе говоря, не имея ясную стратегию и четкого курса политики представляются весьма уязвимыми перед влиянием глобальных телесетей. Нужно отметить, что самими политиками эффект влияния глобальных телесетей оценивается неодинаково. В частности, бывший Государственный секретарь Соединенных Штатов Колин Пауэлл как-то отметил, что подача событий в прямом эфире не способно изменить саму политическую линию, однако способно создать среду, в которой эта политика впоследствии реализуется. Дипломат из Канады Брайан Бакли убежден, что телевидение не способно определять ни саму политику, ни политические решения, ни даже последствия этих решений [5, p. 132].

В период конфликта в Косово в 1999 г. информационное агентство Reuters сославшись на мнение анонимного влиятельного чиновника из американского правительства заявило: «Эффект CNN» существенно переоценен ... развитие событий происходит только тогда, когда официальные представители правительства США, реагируют на эти события. Иными словами, это мы создали «эффект CNN», но ни в коем случае ни сама CNN, ни общественность, ни воюющие стороны» [6].

Это мнение косвенно подтверждает и опрос политиков из разных стран, проведенной одним из влиятельных медианалитиков современности Ником Гоуингом. Он сделал вывод, что в подавляющем большинстве государственные деятели не разделяют точку зрения о том, что телевидение способно определять их поведенческую линию, детерминировать принятие решений. Вместе с тем, когда у политиков возникает необходимость оправдать свои просчеты, они зачастую ссылаются на информацию телесетей, якобы подвигнувшую их на совершенные действия. К этой категории можно отнести и американскую интервенцию в Сомали в 1992 г., мотивированную «видом умирающих от голода детей», военную операцию на Балканах 1999 г., вызванную «этническими чистками в Косово», войны в Персидском заливе по мотивам «борьбы с репрессивным диктаторским режимом С Хусейна».

Одним из наиболее трудновыполнимых на практике является третье условие – обеспечение доступа журналистов к информации [6]. Если речь идет об области информации, непосредственно касающейся государственных интересов – особенно во время кризисов – правительства делают все возможное, чтобы ограничить доступ такой информации для репортеров или подавать ее в контролируемом и дозированном виде. Примерами тому являются события в Ираке, Косово и Чечне. Следствием этого является расхождение данных официальной сводки с неофициальными источниками.

Наконец, выполнение четвертого условия, необходимого для эффективной деятельности глобальной телесети – привлечение внимания широкой аудитории – также не так уж легко выполнимо на практике. Важно отметить, что освещение различных репортажей также прояв-

ляется неодинаково. В частности подача материала о геноциде в Руанде в 1994 г. не оказала заметного влияния на общественное мнение и политику западных стран. Напротив, кадры расправы с американским солдатом в Сомали, репортажи из концентрационных лагерей на Балканах или казни С. Хусейна в Ираке имели гораздо больший резонанс. Иначе говоря, прослеживается очевидный тренд трагические события в государствах, не являющихся для западного мира приоритетными с точки зрения национальных интересов, как правило, не вызывают резко негативной реакции в общественных настроениях. Помимо этого определенные ограничения на влияния глобальных телесетей накладывает и так называемый «эффект десенсбилизации» к определенной информации. В частности, репортажи о терактах палестинских радикалов в Израиле которые постоянно освещаются в новостях, уже не потрясают остальной мир так, как это было раньше.

Вместе с тем, эффект воздействия глобального телевидения зачастую действительно переоценивается. Как справедливо отметил Марк Олейн «способность спутникового телевидения привлекать внимание мировой общественности к определенной проблеме не обязательно означает, что мировая политика станет более демократичной» [7, p.10]. Однако то, сам факт того, что события происходят «на виду» у всего мира и освещаются в динамике развития, порождает оперативную реакцию на конфликтные ситуации профильных специалистов. Подобная реакция чревата многими просчетами. Но она необходима, чтобы не допустить, как было продемонстрировано ранее, односторонне-негативного освещения событий и подрыва репутации причастных к конфликту правительств.

С другой стороны, нельзя не признать и тот факт, что воздействие глобальных телесетей на ход событий не всегда является позитивным. Прямые репортажи зачастую подрывают легитимность правительств и без того находящихся в кризисном состоянии. Мгновенность распространения информации и широта её охвата лишает принимающие решения круги возможности полноценно и адекватно оценить ситуацию. Принимаемые в этой ситуации решения зачастую носят спонтанный характер, недальновидны и стратегически ошибочны.

Крайне значимым элементом деятельности глобальных телесетей являются их потенциальные возможности влиять на формирование международной политики. Их можно резюмировать по нескольким пунктам.

Во-первых, международный новостной контент глобального телевидения формирует повестку дня. В том числе и эта информация помогает политикам и дипломатам определить приоритетность при выработке собственной повестки. В этой связи примечательно, что в большинстве правительственных и дипломатических учреждениях телевизоры настроены на прием информации с каналов BBC World или CNN. Таким образом, главным вопросом во внешнеполитической повестке дня государства вероятнее всего будет формирование позиции-ответа на наиболее интенсивно освещаемое событие [5, p. 131–132].

Еще одной задачей глобального новостного телевидения является определение критериев освещения событий, выстраивание «информационных ракурсов». Действительно, последовательность излагаемых фактов способно заметно сдвинуть акцент восприятия события. По сути, потенциал воздействия глобального новостного телевидения кроется в способности определения первостепенности события и особенностей его освещения.

Кроме того, двумя серьезными возможностями глобального телевидения, выявленными еще в начал 1990-х гг. являются, способность трансляции т.н. «непредвиденных событий» и способность к формированию повестки «незапланированных событий». Обе этих функции серьезно влияют на восприятие международных кризисов обществом.

Один из примеров в этой категории – освещение погромов в 2000 г. чернокожими жителями ферм белых поселенцев в Зимбабве, где президент страны оказывал всестороннюю поддержку мародерам. BBC World сыграла не последнюю роль в особую роль в репортажах этой бывшей британской колонии. Благодаря его своевременному оповещению о конфликте, ООН взяла его разрешение под особый контроль, благодаря чему удалось избежать большого числа жертв.

Таким образом, глобальное телевидение служит средством для распознавания проблем, и, в конечном счете, формирует повестку дня для политиков мира.

Уникальность передаваемой глобальными телесетями информации состоит в способности предоставить с места событий обширный видеоряд и компетентный анализ происходящего. В частности, во время августовского путча в СССР в 1991 г. таким уникальным источником стала американская CNN. Существует мнение, что о ситуации в России американский Президент Джордж Буш-ст. узнал не от официальных лиц посольства своей страны в Москве, а именно из репортажей этого новостного агентства.

Немаловажным является и психологическое воздействие телеобразов, способных повлиять на решения элит или, по крайней мере, скорректировать их. В этой категории все тот же конфликт в Сомали. Однако, медиааналитики расходятся во мнении стало ли вмешательство США реакцией на телевизионные кадры гуманитарной катастрофы в этой стране или же освещение ситуации было призвано обеспечить поддержку населения уже принятому решению властей США о вводе войск в Сомали [5, р. 134]. В этом смысле, вопрос первичности принятия решений и освещения в СМИ характерен для большинства конфликтов современности.

Однако не всегда компетентное освещение событий способно решить проблемы. В частности, вопреки усилиям репортеров по привлечению внимания к проблеме голода в Эфиопии в 2000 г., международное сообщество опоздало с оперативной реакцией на эту проблему, при том, что видеозапись в подаче проблемы был весьма впечатляющим. Тем не менее, благодаря в том числе продолжительному освещению этой ситуации глобальными телесетями голодающие численностью 10 миллионов человек все же дождались международной помощи.

Функция дипломатического посредничества глобального телевидения также является отличительной чертой современных телесетей. Эфир глобального телевидения служит площадкой для обмена официальными заявлениями глав государств. Так было в период военного конфликта в Персидском заливе в 1991 г., американский и иракский дидеры использовали канал CNN для трансляции ответов друг другу [8, р. 207]. Таким образом, канал выполнял функцию посредника в дипломатическом протоколе. Подобная практика не нова: в 1977 г. ведущий CBS У. Кронкайт выступил посредником между египетским президентом Садатом и израильским премьером Бегинном. Разговаривая поочередно то с одним собеседником, то с другим Кронкайту удалось уговорить их провести личную встречу. Аналогичную «дипломатию» реализовывал в 1995 г. известный ведущий CNN Ларри Кинг, интервьюируя сразу трех лидеров – главу Палестинской автономии Ясира Арафата, короля Иордании Хусейна и израильского премьера Ицхака Рабина.

Нередко также журналисты организывают круглые столы с участием представителей оппозиции с целью организации «дипломатических дискуссий» о возможности стабилизации. Хотя такие мероприятия не часто ведут к желаемым результатам их проведение необходимо. Прежде всего, потому, что в качестве посредников глобальные телесети выполняют следующие функции [9, с. 125]:

- предоставляют коммуникационное поле, которое необходимо для обмена мнениями и информацией;
- содействуют становлению корректного восприятия позиций конфликтующих сторон;
- помогают осуществить мониторинг ситуации, провести оценку возможных компромиссных вариантов решений конфликта;
- являются источником генерации свежих идей по урегулированию конфликта;
- служат инструментом по «спасению лица» для участников конфликта, позволяя им выйти из противостояния с минимальными репутационными потерями.

Действительно, глобальное телевидение обладает если не всеми, то многими ресурсами, чтобы эффективно выполнять роль посредников в сложных политических процессах. Прежде всего, это передовые технологии, позволяющими в режиме реального времени «соединить» двух–трех участников переговоров, но также и высокопрофессиональные кадры, осуществляющие подбор экспертов и модерирование дискуссии. Таким образом, современное глобальное телевидение можно по праву считать полноценным участником политических процессов.

В этой связи стоит помнить, что глобальное телевидение на текущем этапе предоставляет практически неограниченные возможности для ведения пропагандистской работы, информационных взбросов и манипуляций общественным мнением, что ставит перед современной информационной дипломатией серьезные новые вызовы [8, р. 208].

Практика выступления в эфире глобального телевидения дипломатов и государственных лидеров с критикой или просто жесткими заявлениями, не редкость и она преследует целью поколебать позиции оппонентов. В таких сюжетах зачастую используются классические пропагандистские приемы с наработанными годами лексическим аппаратом.

Действительно, в современном международном контексте журналистскому корпусу стало сложнее доносить свою позицию в нейтральной тональности. Фактически, они столкнулись с дилеммой – стремление к объективности противоречит необходимости служить орудием – в том числе с элементами пропаганды – информационной войны, во все более поляризованном политическом дискурсе.

Руководство американских СМИ и в этом вопросе стремится создать определенный кодекс поведения, который не раз подвергался критике. Так, для команды журналистов CNN

руководство компании AOL – Time Warner подготовило меморандум, регламентирующий фильтрацию информации с места боевых действий в Афганистане. От них требуется соблюдать определенный баланс в подаче событий, чтобы не вызывать у зрителей сомнений по поводу корректности американского внешнеполитического курса и правомерности военных операций НАТО в Афганистане. Аналогично, британское правительство, раздосадованное расследованием репортеров ВВС о потенциальной подтасовке данных о наличии в Ираке ОМУ, обрушило на руководство телесети критику в «непатриотичности». В конечном итоге, руководство ВВС усмотрело в этом попытку британского отомстить за критическую подачу военной кампании с участием Британии в Ираке.

Тем не менее, давление со стороны британского и американского правительств заставило ВВС World и CNN International соответственно в первые дни военной операции в Ираке не освещать бурную негативную реакцию мировой общественности, осудившей вторжение. Позже, ВВС World все же продемонстрировало кадры протестов, но чтобы не провоцировать аудиторию звучащими там лозунгами, показала протестные манифестации с панорамного ракурса. По мере ухудшения обстановки в зоне конфликта, телесети стали все чаще транслировать проходящие по всему миру акции протеста с призывами вывести войска. Однако, осторожность журналистов британского и американского телеканалов вполне понятна. Лояльность репортеров национальным интересам своей страны не могла не отразиться на особенностях освещения событий. Это косвенно подтверждается тем фактом, что вскоре после начала военной кампании в Ираке, между редакторами крупнейших британских медиа развернулась дискуссия по вопросу того, какой канал освещает события «более патриотично» в существовавшем на тот момент контексте политической конъюнктуры [10].

Таким образом, деятельность глобальных телесетей представляет собой, помимо упомянутых областей, поле активного лоббирования политических стратегий государства. После терактов 11 сентября 2001 г. западные правительства все чаще стали использовать медиа как действенный инструмент формирования общественного мнения, поэтому отпустить их «в свободное плавание вещание видится им недопустимой роскошью» [11, p. 199].

Иначе говоря, определенная часть публичной дипломатии теперь ведется в информационном пространстве, хотя между двумя видами дипломатии есть существенная разница. Публичная дипломатия, как правило, менее агрессивна, чем медиадипломатия. Первая нацелена на конкретные группы населения, в то время как вторая ориентирована на воздействие на политические элиты.

Пристальное внимание правительств к телесетям обусловлена уже обозначенной значимостью последних для современных политических процессов и способности к формированию общественных настроений. Очевидно, что влияние визуальных образов гораздо сильнее словесных. Телевизионная картинка воспринимается мгновенно, запоминается быстро и надолго.

Подводя итоги, стоит отметить, что с течением времени глобальное телевидение стало более совершенным. Его отличительными характеристиками на современном этапе являются высокая скорость передачи информации, особенно в периоды острых кризисов. Глобальное телевидение создает эфир, в котором происходит широкий обмен мнениями политиков, дипломатов, аналитиков и других акторов, ответственных за принятие решений. немаловажным является и то обстоятельство, что посредством глобальных телесетей политики способны отслеживать реакцию лидеров других стран, анализировать эффективность собственной политической линии «со стороны», и получить обратную связь.

Вместе с тем, возникающие на пути дипломатической миссии глобального телевидения вызовы, имеют непосредственное отношение к информационной интервенции со стороны некоторых государств, обладающих мощным информационным ресурсом и не заинтересованных в трансляции оппозиционных взглядов. Ситуация обостряется, как правило, в периоды различных конфликтов – внутригосударственных и международных – а также крупных терактов.

Список литературы

1. Медведев Д. Информационные технологии — прививка от тоталитаризма [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/30/07/2012/662110.shtm>
2. WSA-Mobile – 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wsa-mobile.org
3. Monroe P. Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power / P. Monroe. – Cambridge: MIT Press, 2002. – 371 p.
4. Piers R. The Influence of Media on World Politics // European Journal of Communication. – 2001. – Vol. 16 – №4. – pp. 527–541.
5. Royce A. Global Television and the Shaping of World Politics / A. Royce. – NY: Mc Farland & Company, Inc., 2001. – 195 p.
6. Eason J. No Substitute for First-rate Journalists [Электронный ресурс] // The 1999 Joe Alex Morris Lecture at Harvard University. – Режим доступа: <http://www.nieman.harvard.edu>

7. Alleyne M. News Revolution / M. Alleyne. – New York: St. Martin Press, 1997. – 126 p.
8. Ken A. The Highwaymen / A. Ken. – New York: Random House, 1997. – 284 p.
9. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 271 с.
10. Lewis J. Biased British Corporation // The Guardian. – 2003. – № 4. – P.142–154.
11. Price M. Media and Sovereignty / M. Price. – Cambridge: MIT Press, 2002. – 227 p.

References

1. Medvedev D. Informacionnye tehnologii — privivka ot totalitarizma [Jelektronnyj resurs] // RBK. – Rezhim dostupa: <http://top.rbc.ru/politics/30/07/2012/662110.shtm>
2. WSA-Mobile – 2010 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.wsa-mobile.org
3. Monroe P. Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power / P. Monroe. – Cambridge: MIT Press, 2002. – 371 p.
4. Piers R. The Influence of Media on World Politics // European Journal of Communication. – 2001. – Vol. 16 – №4. – pp. 527–541.
5. Royce A. Global Television and the Shaping of World Politics / A. Royce. – NY: Mc Farland & Company, Inc., 2001. – 195 p.
6. Eason J. No Substitute for First-rate Journalists [Jelektronnyj resurs] // The 1999 Joe Alex Morris Lecture at Harvard University. – Rezhim dostupa: <http://www.nieman.harvard.edu>
7. Alleyne M. News Revolution / M. Alleyne. – New York: St. Martin Press, 1997. – 126 p.
8. Ken A. The Highwaymen / A. Ken. – New York: Random House, 1997. – 284 p.
9. Lebedeva M.M. Politicheskoe uregulirovanie konfliktov. – M.: Aspekt Press, 1997. – 271 s.
10. Lewis J. Biased British Corporation // The Guardian. – 2003. – № 4. – P.142–154.
11. Price M. Media and Sovereignty / M. Price. – Cambridge: MIT Press, 2002. – 227 p.

ГЕОСТРАТЕГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Новоселов Сергей Вениаминович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: seveno@rambler.ru

В статье говорится, что Исламская Республика Иран расположена в геополитически чувствительном регионе, будучи одновременно и средневосточной, и кавказской, и центрально-азиатской, и каспийской страной. Все болевые точки региона, так или иначе, сопряжены с Ираном. Все, казалось бы, сугубо внутренние проблемы отдельных частей региона, будь то этнические или религиозные, военные или экономические, проблемы беженцев и наркобизнеса, проблемы терроризма и сепаратизма могут эффективно решаться только при содействии Исламской Республики Иран. Поэтому эта страна привлекает к себе самое пристальное внимание всех ключевых акторов международных отношений. Вокруг Ирана и за него раскручивается незримая, но, ожесточенная борьба. Исламская революция создала особый, неповторимый облик Ирана. Этот облик сложился в результате концепции, разработанной основателем Исламской республики аятоллой Хомейни. Основными составляющими этой концепции являются исламский республиканизм, установка на справедливое правление, неприемлемость империализма, поддержка обездоленных, борьба с Израилем, поддержка законных прав палестинского народа, отрицание несправедливого экономического миропорядка и противодействие Соединенным Штатам как лидеру империалистического мира. Все эти принципы составляют суть внешней политики Исламской Республики Иран. Современная внешняя политика Исламской Республики Иран вызывает бурные дискуссии на международной арене. Многие оценки, звучащие в мире, отражают непонимание сущности исламского государства и мотивов, которыми руководствуется Тегеран, принимая те или иные решения. Поэтому большой интерес вызывает внешняя политика этого государства, как в регионе, так и в мире.

Ключевые слова: международная система, регион, Исламская Республика Иран, ислам, идеология, стратегия, концепция, национальные интересы, национальная безопасность, глобализация, баланс, внешняя политика, конфронтация, переговоры, ядерная программа, экономика, санкции, оппозиция

GEOSTRATEGY AND MODERN FOREIGN POLICY OF THE ISLAMIC REPUBLIC IRAN

Novoselov Sergey V., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Ttatishev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: seveno@rambler.ru